

Отзыв

официального оппонента кандидата филологических наук, доцента кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ Троценковой Екатерины Владимировны о кандидатской диссертации **Калининой Елены Александровны «Оценка речевых действий человека в современном английском языке»**, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки

В диссертации оценка изучается с позиций когнитивного подхода. Основная **цель исследования** состоит в том, чтобы описать, какие когнитивные механизмы лежат в основе формирования различных видов оценок речевых действий человека и какое вербальное выражение эти оценки находят в английском языке.

Диссертация, таким образом, опирается как на длительную традицию изучения проблемы оценки в философии, логике и традиционной лингвистике, так и на новые достижения в области современных лингвистических исследований. Неслучайно, избранная автором диссертации проблематика продолжает привлекать к себе внимание ученых на протяжении многих лет: оценивание – это один из фундаментальных процессов в живой природе, отличающих ее от неживой, а в случае с человеческой деятельностью оценка представляет собой один из важнейших и одновременно наиболее сложных аспектов концептуализации. Именно с точки зрения выражения оценочности в языке наиболее любопытно посмотреть на то, как субъективная деятельность отдельных людей, осваивающую окружающую действительность, объективируется в языке и как знание, выработанное индивидом, разделяется с другими членами языкового сообщества.

Интересен и выбор объекта оценки – речевые действия человека, рассматриваемые в работе Е.А. Калининой как фрейм, который может получать оценку либо как целостное когнитивное образование, либо раскладываться на составляющие элементы, которые получают отдельную оценку. В условиях современной действительности, когда информация приобретает особое значение, а сказанное слово, возможно как никогда ранее, обретает власть и способность влиять на деятельность как отдельных людей, так и больших групп, проблемы оценки речевых действий выходят на первый план. Представляется, что критерии оценки речевых действий, вопрос о которых поднимается в работе, могут иметь большое значение, например, для лингвистической экспертизы, поэтому **практическое применение** результатов работы, по-видимому, шире, чем скромно указано автором работы, и выходит за рамки проблем преподавания различных лингвистических дисциплин и практического английского языка.

Избранный предмет и направление исследования, безусловно, **актуальны** в настоящее время как с точки зрения практической применимости результатов работы, так и с точки зрения развития концепции современной когнитивной лингвистики. Положения, вынесенные автором на защиту, отражают результат кропотливой работы по выделению и разграничению аксиологических категорий и описанию способов их языковой репрезентации, среди которых в работе рассматриваются оценочные слова различной частеречной принадлежности, метонимии, метафоры, метафтонимии и сравнительные обороты. **Объективность и достоверность полученных результатов** обеспечиваются как широким охватом теоретических источников по изучаемым вопросам, так и глубиной и тщательностью анализа практического материала. При этом, если специфика языковых средств выражения оценки в английском языке не вызывает сомнения, остается, как кажется, открытым вопрос о лингвокультурной специфике либо универсальности описываемых автором оценочных концептов и опорных образных схем, что открывает перспективы для дальнейших сопоставительных исследований на материале данных разных лингвокультур. Предложенная Е.А. Калининой процедура анализа оценки с позиций фрейма определенной когнитивной области может послужить опорой для подобных исследований. Построенная автором **оригинальная** многоуровневая модель оценочных категорий с описанием способов их языковой репрезентации, а также когнитивных механизмов, влияющих на вербальное оформление оценки, позволяют судить о **новизне и теоретической значимости** работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, сопровождающихся достаточно подробными выводами, заключения и списков научной литературы, словарей и использованного материала. Работа имеет, в целом, прозрачную и симметричную структуру: принципы исследования, заданные в теоретической части, и опорная терминология последовательно используются в последующих главах; разделы обычно начинаются с предваряющих замечаний, которые хотя и повторяются в значительной степени в итогах раздела, но при этом формируют читательские ожидания и облегчают восприятие информации. Выводы в полной мере отражают содержание глав. Таким образом, можно сказать, что организация подачи материала способствует тому, что содержание работы укладывается в стройную концепцию.

Первая глава формирует теоретическую базу исследования и посвящена обзору научной литературы, посвященной ряду ключевых для настоящего диссертационного исследования вопросов, а также описанию модели фрейма речевого действия, которая предлагается автором как результат проведенного дефиниционного анализа и, по сути, представляет собой краткий обзор тех компонентов, которые могут стать объектом оценивания и подробно рассматриваются автором в главах II и III.

Субъективно, кажется, что в структурном отношении глава выиграла бы от смены последовательности разделов. В настоящем виде она начинается с раздела, посвященного понятию речевого действия, переходит к двум разделам об оценке, затем снова осуществляется переход к проблеме речевого действия с точки зрения его фреймовой структуры и, наконец, читатель возвращается к проблеме оценки в связи с лежащими в ее основе когнитивными механизмами. Возможно, более простым решением было бы изложить основные положения, связанные с проблемой оценки, а затем перейти к понятию речевого действия и его структуре в контексте сказанного про оценку. Однако, в целом, после прочтения главы у читателя складывается достаточно отчетливое представление об опорных элементах исследования, принципах и методах его проведения.

Е.А. Калинина демонстрирует хорошее знакомство с теоретическим материалом, взвешенный и самостоятельный подход к излагаемым положениям. Некоторое недоумение на этом фоне вызывает отсутствие в разделе, посвященном речевым действиям, ссылок на англоязычные работы по теории речевых актов. Это обстоятельство привлекает внимание, главным образом, потому что многие из упоминаемых автором компонентов речевого действия как объектов оценки, кажется, напрямую перекликаются с максимами Г. Грайса о полноте, качестве, релевантности и способе подачи информации, и их, пусть краткое, обсуждение представляется уместным.

Опираясь на опыт изучения оценки в традиционных лингвистических исследованиях, Е.А. Калинина предлагает различать субъективные и объективные оценки, общие оценки (*хороший/плохой*) и частные, которые далее подразделяются согласно классификации Н.Д. Арутюновой. Кроме того, обсуждая проблему оценочных категорий с точки зрения когнитивного подхода, автор также предлагает различать оценки базового и субординатного уровня категоризации. Характеристика оценочных значений анализируемых языковых средств в последующих главах опирается на выделенные типы. Среди них наиболее дискуссионным, несмотря на его укорененность в лингвистических теориях, представляется деление на субъективные и объективные оценки. Приводимый автором пример «крепкий чай» как субъективная оценка, ориентированная на ценности и предпочтения оценивающего субъекта, и «крепкое пиво», как объективная оценка, зависящая от норм, определяемых объективными метрическими показателями, не столь однозначен, как кажется на первый взгляд. Ценности субъекта в человеческом их понимании, связанные с выражением оценки посредством языка, помимо индивидуального, субъективного уровня, всегда обладают и социокультурным уровнем существования – это всегда ценности, разделяемые с определенной группой, или, по крайней мере, противопоставляемые ценностям других субъектов. Следовательно, они до определенной степени объективированы. Что же касается нормы как опоры для объективной оценки, всегда остается вопрос о ее понимании как прескриптивной, или дескриптивной, статистической нормы. Теоретически

один и тот же сорт пива, даже в рамках одной лингвокультуры, может быть оценен как крепкий с точки зрения прескриптивных норм ГОСТ и как слабый по сравнению с другими сортами, также отнесенными к категории «крепкие», при этом ни та, ни другая оценка не будет зависеть от индивидуальных предпочтений говорящего.

Вторая и третья главы диссертации посвящены обстоятельному анализу конкретных примеров общей и частной оценок речевых действий. Следует положительно отметить основательность подхода и внимательность к деталям при разборе.

Главы построены по единому принципу: сначала описывается речевая реализация базовой оценочной категории, затем реализации соответствующей оценки на субординатном уровне. Так, в главе II первый раздел посвящен обсуждению оценки с точки зрения good/bad в приложении к речевому действию в целом и к отдельным его аспектам, выделяемым в результате профилизации. Затем рассматриваются спецификации общей оценки до excellent, terrible и т.д. также в приложении к речевому действию как целому, а затем со спецификацией до отдельных его компонентов как объектов оценки. Аналогичным образом рассматриваются и частные оценки в главе III – правильность речевого действия, его продолжительность, многословность, понятность, информативность, громкость и правдивость.

Особый интерес вызывают описываемые автором случаи комбинации разных по знаку оценок в одном высказывании, когда берется несколько разных оснований оценки. Насколько частотны подобные случаи? В целом, в отношении знака оценки любопытно, могут ли какие-то оценки, например частная оценка речевого действия по громкости, быть нейтральными по знаку?

О тщательности проведенного анализа и сопоставления примеров свидетельствуют и обнаруженные Е.А. Калининой случаи, когда одни и те же языковые единицы оказываются способными профилировать разные аспекты речевого действия (с. 109).

Дискуссионным представляется вопрос об однозначности деления ряда частных оценок на отдельные категории, особенно это касается категорий правильности и правдивости. Они обсуждаются автором в отдельных, далеко отстоящих друг от друга разделах, однако некоторые из приводимых примеров заставляют усомниться в правомерности такого решения. Так, Е.А. Калинина рассматривает примеры «*In "The Forgotten Jesus," we incorrectly stated that Thomas Jefferson started editing the Bible when he was 27 years old. In fact he was 77 when he began the project*» (с. 99), «*Commanders "deliberately misinform the president" to extend the war. says one source who requested anonymity*» (с. 106) как случаи оценки речевого действия с точки зрения правильности, хотя, в сущности, они столь же легко могут быть соотнесены и с правдивостью, которую автор описывает как «соответствие содержания высказывания действительности» (с. 176), а второй из примеров явно профилирует намерение субъекта сообщить

ложную информацию адресату. Не являются ли также тесно взаимосвязанными оценки с точки зрения long/short и wordy/concise в том смысле, что многословность – это частный случай длины речевого акта?

Несколько мешает читателю то обстоятельство, что автор не приводит данных по общему количеству проанализированного материала, а примеры не имеют сплошной нумерации (она начинается заново в каждом разделе). Было бы также интересно привести количественные данные по частоте актуализации тех или иных компонентов фрейма речевого действия при оценке. Например, какие характеристики речи чаще получают частные оценки, каково соотношение появления оценок базового и субординатного уровней.

Также, несмотря на то, что анализ примеров в целом проведен на высоком уровне, с некоторыми выводами и формулировками в отдельных случаях сложно согласиться.

- Так, в примере 6 на с. 98 сложность, выражаемая словом *tricky*, связана не «со спецификой понятий, относящихся к другой культуре», а толерантностью и политкорректностью в американской культуре, мешающими открыто объявить о нежелании 68% населения видеть на месте разрушенных в результате теракта баннен-близнецов исламский центр и мечеть.

- На стр. 97 в примере 4 (автор ошибочно называет его примером 3), вероятно, некорректно говорить об *аллюзии* на пьесу «Пигмалион», т.к. речь, по-видимому, идет о постановке самой пьесы.

- На с. 114 в комментарии к примеру 1 «*If you let somebody talk long enough, they'll say or do something stupid*» Е.А. Калинина отмечает, что «излишняя продолжительность акта речи получает отрицательную утилитарную оценку наблюдателя». По-видимому, на самом деле, цель как раз состоит в том, чтобы заставить человека «показать свое истинное лицо», и то, что негативно для самого участника (*somebody*), который слишком долго говорил и выдал себя, для субъекта речи, оценивающего данную ситуацию, и есть то, чего он добивался. По сути, приведенное предложение – это совет, как заставить человека самого себя выставить в невыгодном свете.

- На с. 122 неудачной кажется формулировка «наблюдатель *не владеет* языком, на котором осуществлялась коммуникация», вероятно, стоило написать «плохо владеет», поскольку в противном случае он не смог бы различить даже основное содержание речи субъекта.

В работе имеется некоторое количество опечаток: с.15 А.И. Леонтьев (вместо А.А. Леонтьев. в списке литературы ссылка дана верно); с. 17 «воздействие на объекта»: с. 66 нарушение нумерации пунктов в выводах 1), потом 4); с. 71 «речевое действие целиком уподобляются конкретной или абстрактной ситуации»: с. 101 открывающая кавычка '*Disappeared*'; с. 107 «поощью»; с. 199 лишняя точка с запятой «*law firm Shearman & Sterling*»; с.

